МИНСКАЯ ЕПАРХИЯ В НАЧАЛЕ 20-х гг. XX в.: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИТРОПОЛИТА МЕЛХИСЕДЕКА (ПАЕВСКОГО)

И.Н. Максимович

Весной 1919 г. Минскую епархию возглавил епископ Мелхиседек (Паевский). До этого он служил викарием Ладожским Санкт-Петербургской епархии и по прибытии в Белоруссию также получил назначение викарного архиерея, первоначально именуясь «епископом Слуцким, управляющим епархией»[1]. Приняв у протоиерея Василия Очаповского епархиальные дела, владыка Мелхиседек еще около года титуловался викарным. Это могло объясняться тем, что ожидали возвращения на Минскую кафедру архиепископа Георгия, чего не произошло, и вскоре Мелхиседек воспринял традиционный титул епископа Минского и Туровского, т.е. вступил в права епархиального архиерея. Это было не позже 1920 г., когда он обратился к митрополиту Петроградскому священномученику Вениамину († 1922) с просьбой о подыскании ему викария[2]. Тогда эти хлопоты не увенчались успехом, но они определенно свидетельствуют о том, что сам владыка Мелхиседек викарным уже не являлся.

Родился будущий владыка Мелхиседек в 1879 г. в семье протоиерея Льва Паевского, известного церковного краеведа, автора многих научных работ по историко-археологической тематике. Звали будущего архиерея Михаилом. Его детство прошло в селе Витулино Бельского уезда Холмской губернии. В 1904 г. со степенью кандидата богословия он окончил Казанскую Духовную академию. Затем преподавал догматическое и нравственное богословие в Могилевской Духовной семинарии, настоятельствовал в Могилевском Богоявленском, Белыничском Рождества-Богородицком, Херсонском Свято-Владимирском и Новгород-Северском Преображенском монастырях. С 1910 по 1914 г. служил смотрителем Владикавказского духовного училища. В 1914–1916 гг. являлся ректором Тифлисской Духовной семинарии[3].

В Белоруссии владыке Мелхиседеку пришлось многое пережить. Когда он приехал в Минск, шла Страстная седмица. В Свято-Петропавловском кафедральном соборе он застал всего лишь шесть человек молящихся прихожан. Выехавший с немцами архиепископ Георгий (Ярошевский) прихватил с собой все епархиальные средства, а также ризницу из Крестовой церкви архиерейского дома. Городское духовенство жило впроголодь. Удрученный положением дел, Мелхиседек обратился к настоятелям сельских приходов епархии с просьбой оказать посильную продовольственную помощь минскому духовенству и вскоре получил ее, несколько улучшив его материальное положение. Несмотря на слабое здоровье, новоприбывший епископ стал неукоснительно совершать соборные богослужения, непременно проповедуя на них. Каждое воскресение после Литургии он лично руководил общим народным пением. Оставляя храм около 4 часов дня, возвращался в него к 6 вечера на службу[4].

В конце 1919 — начале 1920 г. через Минск, направляясь в эмиграцию, проезжали известные литераторы Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус. Позднее Гиппиус написала небольшие воспоминания о своем отъезде из России. В этих воспоминаниях она воспроизвела образ епископа Мелхиседека. Ее описание владыки выглядит несколько экзальтированным, но в то же время не лишено интереса.

Вот каким запомнила его Зинаида Гиппиус: «Епископ Мелхиседек, молодой, болезненный, красивый, был везде центром обожания. Да он

---

[1] См.: Епархиальные распоряжения // Минские епархиальные ведомости (далее МЕВ). 1920. № 1. С. 10.

[2] См.: *Иоанн, митр. Санкт-Петербургский и Ладожский*. Митрополит Мануил (Лемешевский): Биографический очерк. СПб., 1993. С. 58.

[3] См.: Биография архиепископа Мелхиседека (Паевского) [электронный ресурс] // Русское Православие — интернет-доступ: http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_2278

[4] См. там же.

и в самом деле не без интереса. Держал себя с польскими властями очень тактично. Приятно удивлял стремлением к «современности». Напомнил мне лучших иерархов Петербурга времени первых религиозно-философских собраний. Интеллигентен... Его голос, его возгласы напомнили мне очень живо...Андрея Белого, когда он читал, пел свои стихи. Так же поет Мелхиседек, только божественные слова. Служит всенощную, как мистерию... Болезненный Мелхиседек неутомим: по 6–8 часов на ногах, в долгих службах. Любит стихи. Очень тронут, что я ему своей рукой переписала те, которые читала на его вечере. Трогательно боится своего воспитания, как бы ему с нами не показаться кутейником. Но он очень культурен. И религиозно культурен»[5].

Несколько дней Мережковский и Гиппиус находились в Минске, проживая в женском монастыре Преображения Господня, в доме игуменьи Лидии (Жуковской), где их поселил владыка Мелхиседек. По вечерам он часто приезжал в эту обитель. Тогда собирались монахини и «на половине матушки», под аккомпанемент фисгармонии, за которую усаживался епископ, насельницы пели акафист Иисусу Сладчайшему «...длинно-длинно, нежным женским голосом, будто ангельским»[6].

Во время польской оккупации Минска владыка Мелхиседек написал две небольшие книжки: «Слово о входе в Иерусалим» и «Божьей Милостью». Они получили широкое распространение среди верующих и сделали имя владыки еще более известным на Минщине. Найти эти брошюры нам не удалось. Как пишет Т. Протько, позднее их «знішчали так старанна, што нават у спецхранах бібліятек на Беларусі не захавалася ні воднага асобніка» («...уничтожали так старательно, что даже в спецхранилищах библиотек в Белоруссии не сохранилось ни одного экземпляра»)[7].

В марте 1921 г. после заключения Рижского мирного договора Белоруссия была разделена между Польшей и Советской Россией. Часть территории Минской епархии к западу от Койданова, Старобина, Турова оказались в пределах второй Речи Посполитой. Располагавшиеся там приходы вошли в подчинение Пинско-Новогрудской епархии, которую в 1921 г. возглавлял епископ Пантелеимон (Рожновский). Основная же территория Минской епархии в составе шести бывших уездов одноименной губернии (частично Минского и Слуцкого, а также Борисовского, Игуменского, Бобруйского и Мозырского) сохранилась под омофором владыки Мелхиседека (Паевского).

Таков был печальный итог революционных потрясений 1917 г., способствовавших немецкой, а затем и польской оккупации Белоруссии и внесших значительное разорение не только в гражданскую, но и в местную церковную жизнь. Это разорение выразилось в людских потерях, духовной деградации общества, упадке хозяйственной жизни страны. Оно с особой силой сказалось на благосостоянии верующих, поскольку к власти пришли богоборчески настроенные политические силы, поставившие своей целью не только изменение социально-экономического строя общества, но покушавшиеся на самое заветное — душу человека, любыми способами стремящиеся искоренить веру в Господа, все еще сохранявшуюся в сердцах многих людей. Бедствия и невзгоды первых революционных лет, несмотря на весь ужас, явились всего лишь прелюдией к грядущим испытаниям и трагедиям, проявившимся в жизни верующих Русской Православной Церкви, в том числе тех, которые проживали в пределах Минской епархии.

С установлением в Восточной Белоруссии власти коммунистов служители Православной Церкви испытали на себе новые угрозы и гонения, выразившиеся в ряде арестов. Несмотря на сложную обстановку, в 1921 г. епископ Мелхиседек, желая ознакомится с положением дел в Минской епархии, предпринял целый ряд поездок, посетив многие приходы.

Весной 1922 г. по просторам необъятной России прокатилась волна изъятия церковных ценностей, тревожным эхом беззакония отозвавшаяся также в Восточной Белоруссии.

Благодаря допущенным в это время компромиссам епископ Мелхиседек (Паевский) сумел сохранить за собой Минскую кафедру. Большевики достигли того, что составляло их цель: под благовидным предлогом помощи голодающим

[5] *Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский: в изгнании через Минск // Неман. 1996. № 4. С. 208–212.

[6] Там же. С. 212.

[7] См.: *Процька Т.* Пакутнік за веру і бацькаўшчыну. Минск, 1996. С. 35.

Поволжья все храмы епархии по большому счету, были ограблены.

Необходимо отметить особую роль митрополита Мелхиседека в борьбе с обновленчеством.

Положение дел в Русской Православной Церкви было тогда крайне тяжелым. В мае 1922 г. коммунисты арестовали Святейшего Патриарха Тихона. Этим обстоятельством сразу же воспользовались обновленцы, обманным путем пытавшиеся захватить власть в Церкви. Они учредили так называемое Высшее церковное управление (ВЦУ), которое вознамерилось подчинить своему влиянию тех, кто не желал примыкать к раскольникам. За обновленцами скрывалась коварная рука ОГПУ. Заинтересованные в расколе Русской Православной Церкви, большевики не только инспирировали обновленчество, но и всячески поддерживали его. В то время оно было принято многими видными церковными иерархами. К их числу относились даже митрополит Сергий (Страгородский) и архиепископ Серафим (Мещеряков)[8].

Перед епископом Мелхиседеком, только что пережившим кампанию по изъятию церковных ценностей, стала очередная проблема: как уберечь местную Церковь от обновленческих новшеств и в то же время не испортить и без того натянутые отношения с властями. Решение этой проблемы он увидел в провозглашении автономной Белорусской митрополии, которая декларативно подчинялась бы обновленческому Высшему церковному управлению, но при этом сохраняла определенную самостоятельность.

По замыслу Мелхиседека, права автономии в какой-то степени должны были предохранить местную церковь от строгого неукоснительного подчинения обновленческому ВЦУ, оставляли бы возможность для маневра в сложившейся ситуации и в конечном счете позволяли выиграть время. Как полагал архиепископ Афанасий (Мартос), веское основание Мелхиседеку для провозглашения автономии давало Постановление Святейшего Патриарха Тихона от 7/20 ноября 1920 г., в котором говорилось: «...в случае, если... Высшее Церковное Управление во главе с Патриархом почему-либо прекратит свою деятельность, епархиальный архиерей немедленно входит в сношение с архиереями соседских епархий на предмет организации высшей инстанции церковной власти для нескольких епархий, находящихся в одинаковых условиях (в виде временного высшего церковного правительства или митрополичьего округа или иначе)...»[9].

Однако в случае учреждения Белорусской митрополии Мелхиседек не входил в сношения с соседними архиереями по поводу ее образования, решившись на создание митрополии не из нескольких епархий (как это предписывало постановление), а из одной — Минской. Объективно этому способствовало то обстоятельство, что после заключения Рижского договора (март 1921 г.) вплоть до февраля 1924 г. границы Минской епархии совпадали с границами новообразованной Советской Социалистической Республики Белоруссия (ССРБ). Лишь в марте 1924 г. в ее состав были возвращены территории бывших Витебской и Могилевской губерний, населенные в основном белорусами. Ясно, что в своей деятельности по устроению Белорусской митрополии Мелхиседек не мог выйти за пределы административных границ ССРБ. В сложившихся тогда условиях он не мог обсуждать с архиереями близлежащих Полоцкой и Могилевской епархий вопросы объединения в одну митрополию — ведь все они временно оказались за пределами Советской Белоруссии. Идея автономии обрела сторонников, придерживавшихся разных политических взглядов.

19 июля 1922 г. в одном из храмов Минска собралось нелегальное собрание уполномоченных от различных приходов города. На нем председательствовал А.Я. фон-Мореншильд. С докладом о важности объявления автономии местной Церкви выступил отец Стефан. Участники собрания утвердили дату провозглашения Белорусской митрополии. А 22 июля ОГПУ произвело аресты некоторых из них, придерживавшихся монархических взглядов. Тогда был арестован секретарь епископа Мелхиседека Иван Федорович Спасский, до революции преподававший в Минском мужском духовном училище греческий язык и географию. И тем не менее автономия была провозглашена. Торжественный акт ее провозглашения состоялся 10/23 июля 1922 г. в минском Свято-Петропавловском кафедральном соборе. Во время его прове-

[8] *См.: Цыпин В.А., прот.* История Русской Православной Церкви: 1917–1990. М., 1994. С. 55.

[9] См.: *Афанасий* (*Мартос*), *архиеп.* Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни. Буэнос-Айрес, 1966. С. 258.

дения епископ Мелхиседек был возведен в сан митрополита. «Делегация из духовенства и мирян поднесла ему белый клобук, принимая который владыка сказал, что примет на себя терновый венец, вполне отдавая себе отчет о своем поступке, но надеется, что в будущем беспристрастная история поймет необходимость этого»[10].

Вместе с единомышленниками, образовавшими Церковное управление Белоруссии (ЦУБ), Мелхиседек обратился к верующим с посланием, в котором, в частности, говорилось:

«...10/23 июля с. г., в Минском кафедральном соборе при участии всего городского духовенства и представителей от сельского (до 60 человек), при громадном стечении верующего народа, была провозглашена автономия Белорусской Церкви, находящейся на территории Белорусской Советской Республики (Минской епархии), с объявлением Епископа Минского и Туровского Мелхиседека Митрополитом Белорусским и Минским, с восстановлением в ближайшее время епископских кафедр: Слуцкой, Бобруйской и Туровской.

Белорусская автономная Церковь впредь до выработки и утверждения в законно-каноническом порядке подробного положения об управлении Ею управляется Церковным Управлением Белоруссии в составе: 4-х пресвитеров, 1-го клирика и 1-го мирянина, под председательством митрополита.

Исходя из осуществленной ныне идеи автономии, положенной в основу обновленного строя управления Белорусской Церковью, и пребывая в единомыслии с такими авторитетными иерархами, как митрополит Владимирский Сергий и другие, заявившие особым актом о своем признании каноничности ВЦУ и законности его распоряжений, Церковное управление Белоруссии считает имеющее местопребывание в Москве ВЦУ законным органом управления Церкви Российской до созыва Поместного Всероссийского Собора и пребывает с ней в духовном единении, союзе мира и братского общения.

Будучи выразителем создавшегося самим ходом вещей и прочно вошедшего в жизнь Белорусской Церкви принципа признания существующей советской власти как власти трудящихся, проявляя лояльное отношение к ней, а также подчиняясь ее законам, ЦУБ полагает вышеназванный руководящий принцип в основу своей работы по устроению церковной жизни согласно требованиям времени и народно-бытовым особенностям Белорусского края.

Представляя собою орган управления Белорусской Церковью и являясь носителем общецерковного сознания, ЦУБ строго ограничивает круг своей деятельности областью церковных дел Белоруссии. Поэтому ЦУБ не состоит и не может состоять ни в какой зависимости или связи с какими-либо церковными или политическими организациями, находящимися как в России, так и за рубежом, и направленными к восстановлению классового господства или подчинения капиталистическому строю, считая проведение подобных идей делом нецерковным и достойным осуждения.

В деле же церковного управления ЦУБ ставит исходной точкой идею внутреннего церковного обновления согласно с евангельскими заповедями и заветами Церкви Апостольской, внося идеи братства и равенства в сознание и жизнь верующих масс как основные идеи христианства.

Что же касается тех исторических наслоений, которые так или иначе угнетали или сковывали живой дух Церкви, мешая ей выполнять свое высшее назначение — одухотворять жизнь людей началами Высшей Правды, то устранение их ЦУБ ставит одной из первых своих задач. В то же время, чутко реагируя на начинания в области широкого обновления церковной жизни, ЦУБ не может стоять вне сферы этих начинаний и считает координирование своих действий с требованиями, выявляющимися в общецерковном обновленческом движении, назревшею потребностью времени и самого духа церковной жизни.

Поставляя в известность обо всем вышеизложенном пастырей и православную паству Церкви Белорусской, ЦУБ обращается ко всем сознательным и живым силам Церкви с горячим призывом к братскому единомыслию и единодушию с ними в совместном церковном делании, а также к спокойной и вдумчивой оценке церковных событий и принимаемых церковных мероприятий. Мир церковный (Еф. 4: 3) да будет целью и конечным результатом действий всех работников на ниве Христовой в этот важный и ответственный момент истории нашей святой Церкви.

Председатель Мелхиседек, Митрополит Белорусский и Минский.

Члены Церковного Управления Белоруссии: протоиерей Иоанн Явицкий, протоиерей Алексий Костюченко, протоиерей Стефан Кульчицкий, протоиерей Владимир Бируля, псаломщик Х. Загорский, Владимир Соколов. С подлинным верно: Секретарь Протоиерей Антоний Киркевич»[11].

Несмотря на заявление о «признании каноничности ВЦУ и законности его распоряжений», прозвучавшее в этом послании, местные обновленцы поняли замысел Мелхиседека и сразу же опубликовали в прессе свой протест против той линии, которую стал проводить в церковной жизни митрополит. В этом протесте отмечалось: «Всем своим поведением и выступлениями среди верующих минское городское духовенство являло собой яркий пример редкой изворотливости, лукавства и обходов народившегося в Москве обновленческого церковного движения... Духовенство во главе с епископом Мелхиседеком вошло в связь с черносотенными и консервативными группами на-

[10] *См.*: Биография архиепископа Мелхиседека (Паевского) // http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_2278

[11] Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 2786. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

селения и, не испросив согласия и воли верующих и духовенства Минской епархии, объявило себя автономным и независимым от Москвы, что произошло в Минском кафедральном соборе 23 июля... Акт 23 июля считаем неканоническим и вредным делу обновления»[12].

Рьяных противников автономии в Минской епархии оказалось немного. Среди них выделялся Владимир Трегубов, в прошлом учившийся в духовной семинарии, а в начале 20-х гг. служивший заместителем директора Политграфотдела. Амбициозный, не лишенный организаторских способностей, открыто заявлявший о своей близости к сектантству, он поначалу возглавил местных обновленцев. В ОГПУ его характеризовали как человека, которому «льстится быть деятелем». В тесные отношения с В. Трегубовым вступил своеобразный пионер обновленчества в епархии, настоятель церкви села Холопеничи Борисовского уезда священник Феодор Курышев, «старый прогрессист, как о нем отзывались в ОГПУ, подвергавшийся репрессиям... со стороны царских властей». Эти так называемые репрессии выражались в том, что за различные проступки Ф. Курышева не раз переводили с одного прихода на другой. В обновленчество ему удалось совратить всего лишь восемь прихожан Холопенической церкви. К назначенным лицам присоединились священник Н. Кандельский, «прогрессист, но трусливый», по оценке органов, и псаломщик Смирнов[13].

По науськиванию ОГПУ эта группа начала свою раскольническую деятельность с интриг против Мелхиседека и объединившегося вокруг него Церковного управления Белоруссии. Содержанием их деятельности стала борьба за то, чтобы Московское обновленческое ВЦУ не признало Мелхиседека митрополитом, аннулировало недавно провозглашенную автономию и способствовало кооптации в состав ЦУБ их самих, что дало бы возможность новоявленным самозванцам, как они полагали, привлечь в обновленчество значительную часть духовенства и мирян.

7 сентября В. Трегубов и Ф. Курышев выехали в Москву. Накануне там побывали делегаты ЦУБ, искавшие признания со стороны ВЦУ, но принятые крайне недружелюбно. В отличие от них оба названных деятеля были «были встречены в Москве радушно и приглашены на заседание ВЦУ для современного обсуждения вопроса о Минской епархии и автономии». В. Трегубов возвратился из Москвы в должности уполномоченного ВЦУ по Минской епархии, Ф. Курышев — в качестве уполномоченного ЦК «Живой Церкви». 10 сентября они нанесли визит митрополиту Мелхиседеку, объявив ему о своих назначениях и рекомендовав не делать по епархии никаких распоряжений без их ведома (л. 8). Прекрасно понимая, что обновленцы действуют по подсказке ОГПУ, Мелхиседек и близкое к нему духовенство начали свою, очень непростую, игру с ними.

Было решено использовать противоречия между различными обновленческими группировками, боровшимися в это время за власть с тем, чтобы, сыграв на их разногласиях, по возможности нейтрализовать действия местных живоцерковников. С этой целью на заседании ЦУБ, состоявшемся 1 и 2 октября в Минске, чисто формально была организована группа Церковного возрождения, противопоставившая себя живоцерковникам. Ее возглавил протоиерей Дмитрий Павский, помощником которого выступили член ЦУБ В.Я. Соколов и священник Феодосий Бируля. Об отцах Дмитрии и Феодосии в ОГПУ отзывались как о достаточно авторитетных лицах, пользовавшихся «большим авторитетом среди мирян и населения»; последнего из них характеризовали как «европейски образованного священника», поскольку до революции он обучался в Московском университете (л. 9). Параллельно с этим Мелхиседек договорился со своими единомышленниками протоиереем Иоанном Пашиным, служившим под Минском в Прилепах, и протоиереем Николаем Шеметилло, настоятелем собора в Слуцке, пользовавшимися большим уважением в епархии о том, что они (опять-таки формально) войдут в группу Живой Церкви, так как их кандидатуры обновленцы предполагали выдвинуть в дальнейшем для посвящения во епископы.

Осенью 1923 г. Ф. Курышев предпринял ряд поездок по Минской епархии с целью создания на местах обновленческих групп. В Слуцком уезде он «завербовал» в состав живоцерковников отца Николая Шеметилло и еще девять священнослужителей,

[12] Обращение прогрессивной группы духовенства и мирян // Звязда. 1922. № 4. 31 авг.

[13] Центральный архив Комитета государственной безопасности Республики Беларусь (ЦА КГБ РБ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 10. Л. 3. Далее отсылки на материалы этого архивного дела приводятся в тексте в круглых скобках.

на словах последовавших за ним. В Минском уезде в его группу «вошел», по отзыву ОГПУ, «авторитетный священник Пашин» (там же). Впрочем, нашлись и доброхоты, так сказать, из идейных соображений поддержавшие Ф. Курышева. В Борисовском уезде «живцов» возглавил свящ. Н. Кандельский, в Мозырском — отец Михаил Серницкий. Численность всех этих групп была крайне низкой. Огромное большинство духовенства епархии попрежнему оставались вне их.

Между ЦУБ и Трегубовым в это время шла война циркуляров. Мелхиседек в своих указах, рассылаемых по епархии, напоминал духовенству о том, что именно ЦУБ является канонически законным органом церковного управления, а Трегубов как уполномоченный ВЦУ заявлял в своих циркулярах, что без его ведома решения ЦУБ не являются правомочными. Опираясь на поддержку московского ВЦУ, он безапелляционно требовал переизбрания ЦУБ с тем, чтобы в его состав вошли живоцерковники. В этих условиях Мелхиседек и его сторонники на общем собрании городского духовенства Минска, проходившем 2 ноября, решили пойти на своеобразную мимикрию и переименовали ЦУБ в Белорусское епархиальное управление (БЕУ), полностью сохранив его прежний состав.

На собрании приняли решение ходатайствовать перед ВЦУ о сохранении за Мелхиседеком титула митрополита. В докладе, составленном в этой связи, говорилось, что «ввиду того, что Высшее церковное управление не нашло возможным утвердить объявленную в Минске автономию Белорусской Церкви, Белорусское епархиальное управление ходатайствует о признании независимо от сего титула митрополита Белорусского и Минского за преосвященным Мелхиседеком, провозглашение коего митрополитом, имевшее место на общем собрании духовенства и мирян 10/23 июля с.г., представляет собою акт подлинного волеизъявления верующего народа белорусского...».

6 ноября с этим докладом, а также актом об учреждении БЕУ, подписанным минским духовенством, в Москву по благословению Мелхиседека выехал член БЕУ Соколов, вслед которому Трегубов послал в ВЦУ телеграмму с настоятельной просьбой отклонить ходатайство БЕУ. Реакция ВЦУ на минские события не заставила себя долго ждать. Вскоре Мелхиседек получил предписание из Москвы от 2 ноября следующего содержания: «Президиум ВЦУ имел суждение о Вашем Высокопреосвященстве и Минской епархии, причем постановили: Ваше Высокопреосвященство уволить на покой. Уполномоченному ВЦУ Трегубову поручить немедленно организовать Минское епархиальное управление, выдвинув на место правящего архиерея кандидата из белого духовенства. ВЦУ предписывает Вашему Высокопреосвященству незамедлительно сдать дела по епархии Уполномоченному ВЦУ Трегубову и имеющему быть организованному Епархиальному управлению. Председатель ВЦУ митрополит Антонин, зампредседателя ВЦУ прот. Красницкий...» (л. 22).

Второе предписание из Москвы получил Трегубов. В нем говорилось: «Постановлением президиума ВЦУ архиепископ Минский Мелхиседек уволен на покой. Уполномоченному ВЦУ по Минской епархии Трегубову поручается немедленно организовать МЕУ, выдвинув на место правящего епископа кандидата из белого духовенства... Председатель ВЦУ Антонин...». Таким образом, в Минской епархии сложилась критическая ситуация, в условиях которой обновленцы, казалось, вот-вот должны были захватить церковную власть. Но этого не произошло. Вероятно, не последнюю роль в разразившемся противоборстве сыграл находившийся в Москве Владимир Соколов, тайный единомышленник Мелхиседека, только внешне рядившийся в тогу живоцерковника. Умело использовав противоречия, существовавшие между Антонином и Введенским, он сумел достигнуть временного компромисса в сложившейся ситуации, так что 10 ноября в Минске получили от ВЦУ предписание, завизированное Александром Введенским, которое утверждало Мелхиседека в сане митрополита и поручало ему вместе с Трегубовым организовать новое епархиальное управление (л. 23).

На состоявшихся 16–17 ноября и 6–10 декабря заседаниях ЦУБ после долгих дебатов между приверженцами Мелхиседека и сторонниками Трегубова было создано новое епархиальное управление. При этом особенно остро обсуждался вопрос о включении в него протоиерея Стефана Кульчицкого, за которого, как образно отмечали в ОГПУ, «митрополит Мелхиседек и все старое Епархиальное Управление держались обеими руками, ибо он один являлся фактическим ЦУБом, он являлся инициатором автономии Белорусской Церкви, в силу чего ни Мелхиседек, ни члены ЦУБа не могли согласиться с той мыслью, что Кульчицкого не будет в новом Епархиальном Управлении...»

(л. 29). И, однако, по категорическому требованию Трегубова отец Стефан не был в него включен.

Сам Мелхиседек не принимал непосредственного участия в ЦУБ, сказавшись заболевшим. Это был тактически продуманный ход с его стороны, так как он внимательно следил за всем происходившим и наиболее судьбоносные вопросы старался решать у себя в покоях, давая аудиенции соратникам и игнорируя обновленцев.

Помимо владыки Мелхиседека и Трегубова, в новое епархиальное управление вошли: протоиерей Алексий Костюченко, иерей Владимир Бируля, иерей Феодосий Раменский (фиктивно числившиеся в «Союзе Церковного Возрождения»), протоиерей Иоанн Пашин и священник Иоанн Перхорович (формально состоявшие в группе живоцерковников), псаломщик Загорский (не примыкавший ни к какой церковной группе) и мирянин Зубко, который вскоре был заменен на Владимира Соколова.

Список этого состава Минского епархиального управления отправили в ВЦУ. Там его утвердили. Мелхиседек и его окружение сумели переиграть обновленцев! Неслучайно в ОГПУ БССР был подведен такой итог вышеизложенным событиям: «Состав Епархиального Управления, представленный на утверждение ВЦУ, безусловно нежелателен, ибо в состав такового вошли старые члены ЦУБа... От группы же «Живая Церковь» выставленные кандидаты Пашин и Перхорович, как прогрессисты себя еще не выявляли и, находясь на уезде, не имея возможности постоянно пребывать в Минске, не смогут принимать активного участия в работе... Желательно убрать из Белоруссии митрополита Мелхиседека и вместо него выбрать другого епископа из белого духовенства... Только в этом случае возможно будет провести в жизнь Церковно-Прогрессивное обновленческое движение...» (там же).

Борьба с обновленчеством продолжалась, сохраняя завуалированный характер. В начале января 1923 г. на первом организационном заседании Минского ЕУ было принято воззвание к духовенству и мирянам епархии, в котором декларировалось, что отныне они должны встать на платформу обновленчества. Наиболее активным сторонникам церковных псевдореформ Мелхиседек выдал грамоты с благословением на распространение обновленческих идей среди верующих, рассчитывая контролировать таким образом их деятельность. В целом в Минской епархии в это время насчитывалось 40–45 человек, последовавших в обновленчество. Подавляющее большинство из них приходилось на Мозырский уезд, где действовал отец Пешковский, по оценке ОГПУ, «очень энергичный поп» (л. 35). В состав местных живоцерковников входило шесть осведомителей ОГПУ.

Под прикрытием провозглашенных деклараций на том же заседании Минского ЕУ для посвящения в епископы была окончательно утверждена кандидатура протоиерея Николая Шеметилло, тайного последователя владыки Мелхиседека. С ходатайством о его хиротонии 10 января в Москву выехал Владимир Соколов.

Духовенство епархии внимательно следило за происходившими событиями. Прекрасно понимая подоплеку действий митрополита Мелхиседека, оно по-прежнему в массе своей оставалось на позициях староцерковничества и безразлично относилось к призывам обновленцев о переходе на их сторону.

В ОГПУ с раздражением и невольной симпатией отмечали, что «белорусское духовенство... все еще не тронуто церковно-революционным движением, а Мелхиседек является, безусловно, дипломатичным, умным, выдержанным, и, если так можно выразиться, мудрым митрополитом, который ведет за собой все городское духовенство и подобрал окружающую его братию приблизительно с такими же качествами». И далее: «Минская епархия оказалась как бы болтом среди двух епархий: Витебской и Гомельской, в коих обновленческое движение достигло желательных результатов... Для того, чтобы взбудоражить епархию...необходимо, безусловно, убрать не один десяток попов из епархии, а самое главное — это убрать две центральные фигуры, являющихся тормозом всего движения: митрополита Мелхиседека и протоиерея Кульчицкого...» (л. 39)

Идя на тактические уступки обновленцам, владыка Мелхиседек по настоянию Трегубова вынужден был дать благословение на кооптацию 9 февраля в состав МЕУ отца Феодора Курышева.

После этого обновленцы выдвинули идею о проведении съезда благочинных епархии, наметив его на 24 марта и рассчитывая добиться принятия на нем резолюции, осуждающей Святейшего Тихона. В случае провала этого плана они намеревались с помощью ВЦУ распустить епархиальное управление старого состава и организовать вместо него новое исключительно из своих сторонников. Съезд благочинных приурочивался к предстоящей хиротонии новых викарных епископов.

Мелхиседек придерживался той же линии, что и раньше. Как констатировали в ОГПУ, он «не принимал официального участия в подготовке к предстоящему благочинническому съезду, ссылаясь на болезнь. Фактически же все вопросы обсуждались на заседаниях ЕУ, предварительно оговаривались за ширмой у Мелхиседека...» (л. 54). В итоге съезд благочинных оказался сорван. Из 28 человек в Минск приехало всего 5 отцов. Это произошло потому, что Мелхиседек благословил разослать извещения о необходимости прибытия в город отцам-благочинным всего лишь за несколько дней до намечавшегося съезда. В условиях весенней распутицы выехать оказалось невозможным. Из-за разлива рек и отсутствия санной дороги не смогли «обрадовать» своим посещением Минск прежде всего мозырские обновленцы, отличавшиеся особой энергичностью на поприще словоблудия.

Наконец, настало время епископских хиротоний. Для участия в них в Минск были приглашены два епископа из Смоленской епархии: Венедикт (Алентов), епископ Вяземский, и Феофан (Березкин), епископ Гжатский.

В сослужении с митрополитом Мелхиседеком они и совершили в минском Свято-Петропавловском кафедральном соборе три епископские хиротонии, еще больше укрепившие позиции староцерковников в Минской епархии; 24 марта во епископа Слуцкого был посвящен вдовый протоиерей Николай Шеметилло, настоятель Свято-Успенского собора Слуцка; 25 марта во епископа Мозырского хиротонисали протоиерея Иоанна Пашина, также из вдовых; 29 марта епископом Борисовским стал священник Минской Свято-Александро-Невской церкви Феодосий Раменский. Он, «как первый помощник митрополита Мелхиседека», должен был проживать в Минске.

Хиротонии новых владык проходили в торжественной обстановке, при участии более 2000 верующих (л. 65).

Уже спустя несколько месяцев обновленцы разочаровались в новохиротонисанных епископах и повели с ними упорную борьбу. Они стали распространяться о том, что хиротонии этих владык совершены так называемым обновленческим чином (без предварительного пострига рукополагаемых).

В борьбе за власть и в целях компрометации православных архиереев в глазах своей же паствы обновленцы распространили на сей счет даже открытое письмо, в котором говорилось: «...тихоновцам полезно было бы помнить и не скрывать перед самими собой, перед другими, что их епископ, Николай, рукоположен по благословению Московского Высшего Церковного Управления. Хиротония совершена обновленческим чином и обновленческими епископами. Если чин хиротонии не православный, а иерархи безблагодатны, то откуда снизошла такая благодать на епископа Николая Слуцкого, епископа Иоанна Пашина и епископа Феодосия Раменского?»[14]

Действительно, время посвящения во епископы упомянутых выше владык совпало с целой полосой обновленческих хиротоний, когда во архиереи посвящали из вдовых протоиереев без предварительного принятия ими монашества[15]. Это последнее обстоятельство не может, однако, служить свидетельством неканоничности архиерейской хиротонии как таковой, ибо «предварительный постриг не является обязательным условием архиерейской хиротонии. Епископом Церкви Божией может быть всякое безбрачное лицо одинаково из клира, мирян и лиц монашествующих, отвечающее каноническим условиям иерархической правомочности» (Первый Вселенский Собор, 2: Двукратный, 17, Апостольские Правила 1, 68)[16]. Поэтому упреки обновленцев, приводивших «монашеский аргумент», неправомочны.

Верующий народ Минской епархии в огромном большинстве своем крайне отрицательно относился к обновленчеству и никогда не последовал бы за его приверженцами. Не ставил под сомнение каноничность посвящения во епископы трех кандидатов Мелхиседека и Святейший Патриарх Тихон. Наконец, важно отметить то, что за время своего служения эти владыки рукоположили во священники очень многих соискателей служения на ниве Божией. Некоторые из них пережили войну 1941–1945 гг. Никто никогда не перерукополагал

[14] НИАБ. Ф. 2786. Оп. 1. Д. 54. Л. 20.

[15] См.: *Краснов-Левитин А.Э., Шавров В.М.* Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С. 109–110.

[16] См.: *Лебедев А.И., прот.* О безбрачии и монашестве епископов (историко-канонический очерк) // Журнал Московской Патриархии в 1931–1935 годы. М., 2001. С. 193–194.

их, хотя было хорошо известно, кто возвел этих людей в пресвитерский сан.

Весной 1928 г. обновленцы еще возлагали надежды на новых владык, полагая, что под давлением ОГПУ те начнут проводить угодную им церковную политику. Живоцерковники пока не знали о том, что все три епископа были сокровенными единомышленниками Мелхиседека!

31 марта и 2 апреля в Минске прошло заседание епархиального управления, на котором было решено предложить всем благочинным епархии организовать на местах «группы ревнителей обновленческого движения». Митрополит Мелхиседек вновь, в который уже раз, уклонился от участия в этом заседании. Председательствовал на нем архиепископ Иоанн (Пашин). 2 апреля он и Николай (Шеметилло) выехали из Минска соответственно в Мозырь и Слуцк.

8 апреля наступило празднование Святой Пасхи. В 1923 г. оно проходило с необычным духовным подъемом и нескрываемой радостью. ОГПУ сообщало, что «все церкви и соборы были переполнены в эти дни молящимися, и, по выражению духовенства, Минск такой массы верующих не видел за все прошлые праздники. В церквах был замечен даже довольно значительный процент красноармейцев и комсостава...» (л. 65)

Радость о Светлом Христовом Воскресении, которую переживали в это время православные жители Минска, тщетно пыталась опорочить атеистически настроенная еврейская молодежь города, выступившая с инициативой проведения антирелигиозных шествий, карнавалов и прочих мероприятий, получивших кощунственное название «Комсомольская Пасха»[17]. Одна из подобных акций закончилась трагически, так как предводительствовавший ею безбожник в карикатурном виде имитировавший священнослужителя, заживо сгорел по неосторожности[18].

Пасхальная радость верующих епархии оказалась омрачена давно вынашиваемым решением власти о высылке Мелхиседека из Минска. 10 апреля его вызвали в ОГПУ и предписали в срочном порядке выехать в Москву. На следующий день в 18 часов митрополит, подчиняясь распоряжению ОГПУ, на скором поезде покинул Минск. Во время расставания с ним «со стороны верующих слышались угрозы в адрес уполномоченного ВЦУ. При отъезде владыки был отслужен молебен и решено служить ежедневно до благополучного возвращения». Так отмечали в сводках ОГПУ (л. 65).

Воспользовавшись отсутствием Мелхиседека, обновленцы перешли в наступление. ВЦУ готовило Поместный Собор, на котором предполагалось предпринять серию антиканонических деяний. В преддверии этого самочинного мероприятия, 12–13 апреля, в Минске прошло епархиальное собрание, в котором приняли участие 68 делегатов: 32 священника, 9 диаконов и 27 мирян. Собрание вел епископ Иоанн (Пашин). Оно было созвано под нажимом ОГПУ, желавшим увидеть в нем своеобразную манифестацию в поддержку предстоявшего лжесобора в Москве. С двумя основными докладами на съезде выступил протоиерей Алексей Костюченко. Эти доклады носили явно тенденциозный характер. Один из них назывался: «О признании справедливости социальной революции». Другой имел заголовок: «Об отношении белорусского духовенства к бывшему патриарху Тихону». Оба сообщения, прозвучавших под древними сводами Минского кафедрального собора, не вызвали у слушателей заметной реакции. Собравшиеся молча выслушали докладчика, без всякого обсуждения приняв к сведению его сообщения. Все понимали, для кого делались эти доклады...[19]

Красноречива реакция ОГПУ на это собрание. «Оно представляло из себя, — доносили органы, — 90% старых реакционных попов, безусловно, не воспринимавших обновленческих веяний...» (л. 66).

Собрание избрало на предстоящий собор двух делегатов от духовенства — священника Никольского из Мозырского уезда и протоиерея Стефана Кульчицкого. Кандидатура последнего была утверждена единогласно. Однако в ОГПУ не дремали. Еще 4 апреля возглавляющий это ведомство товарищ Пинталь отправил в Москву рапорт, в котором выразил обеспокоенность тем, что среди делегатов от Минской епархии на обновленческий собор может попасть о. Стефан, негативно относившийся

---

[17] *См.*: *Янушевич И.И.* Политика советского государства по отношению к Русской Православной Церкви: 1917–1922 гг. (на материалах Беларуси). Минск, 2001. С. 34.

[18] Мінск незнаёмы 1920–1940 / аўтар-укладальнік І. Куркоў. Мінск, 2002. С. 7.

[19] З царковнага жыцуя // Савецкая Беларусь. 1923. № 84.

к раскольникам. После этого чекисты провели с ним встречу, беседовали, и, наверняка, угрожали возможной расправой, потому что неожиданно для всех протоиерей Стефан Кульчицкий отказался от поездки на собор и снял свою кандидатуру. От мирян делегатами были избраны: Соколов, Трегубов и некто Дударев. Показательно, что никто из викарных архиереев Минской епархии не изъявил желания поехать на собор. И когда 3 мая 1923 г. обновленцы приняли постановление, подводящее итог их разрушительной деятельности, под этим постановлением не было ни одной подписи православных архиереев из Белоруссии[20].

Как известно, обновленческий собор объявил о лишении сана и монашеского звания Святейшего Патриарха Тихона, о введении нового, григорианского, календаря, высказался за женатый епископат и второбрачие духовенства, призвал к ликвидации монастырей и превращению их в так называемые религиозно-трудовые коммуны. Прежнее ВЦУ было переименовано в ВЦС (Высший церковный совет). На соборе возобладало течение приверженцев Союза общин Древнеапостольской Церкви (СОДАЦ), самым деятельным представителем которого выступал возведенный в сан архиепископа Крутицкого Александр Введенский. Живоцерковники, возглавляемые протоиереем Владимиром Красницким, оказались оттеснены конкурентами от кормила власти в обновленческом движении. Решения лжесобора получили своеобразный резонанс в жизни Минской епархии.

На расширенном заседании епархиального управления, состоявшемся 19 мая, с докладом о деяниях недавно закончившегося собора обновленцев выступали В. Трегубов и В. Соколов. Собравшимся объявили, что вместо митрополита Мелхиседека на Минскую кафедру ВЦС назначило епископа Сергия (Иванцова).

«Эта информация, — констатировали в ОГПУ, — была встречена духовенством крайне недоброжелательно. После заседания среди верующих были заметны негодования... Соколовым было сообщено, что митрополит Мелхиседек больше в Белоруссию не возвратится, а очевидно получит кафедру в одном из городов центральной России. Среди духовенства выявилось отрицательное отношение к новому епископу Сергию потому, что они предполагали выдвинуть вместо Мелхиседека кандидатуру одного из минских викарных епископов» (л. 69).

На том же заседании В. Соколов представил мандат, разрешающий образование в епархии групп, сочувствующих СОДАЦ. Был учрежден губернский комитет СОДАЦ, председателем которого избрали епископа Борисовского Феодосия Раменского, решившегося продолжить с обновленцами игру по тем же правилам, которых придерживался Мелхиседек. Формально в СОДАЦ вступило почти все минское духовенство. Присоединился к этому союзу даже священник Феодор Курышев.

В ОГПУ данные события комментировали так: «Насколько искренни стремления духовенства, вступающего в группу СОДАЦ, пока судить трудно. Группа же “Живой Церкви” практически уже не существует с уходом Курышева. Осталось два человека: епископ Иоанн, активности не проявляющий, и Трегубов, в последнее время отошедший от церковной жизни» (л. 75).

В начале июня в Минск приехал епископ Сергий (Иванцов). Он родился в Москве в 1880 г. в семье протоиерея Николая Иванцова, служившего в храме Христа Спасителя. Окончил юридический и филологический факультеты Московского университета, а также Психологический экспериментальный институт имени Щукина. В 1914–1922 гг. служил в армии, последние три года в РККА. Монашество принял в 1922 г. Вскоре после рукоположения в сан иеромонаха уклонился в обновленчество и уже в конце 1922 г. был хиротонисан во епископа, назначен на Могилевскую кафедру[21]. Будучи участником обновленческого собора, Сергий (Иванцов) оказался среди тех епископов, которые подписали беззаконное постановление о лишении Святейшего Тихона сана и звания Патриарха. На лжесоборе он присоединился к СОДАЦ[22].

Вскоре Минск посетил Александр Введенский. В Свято-Петропавловском кафедральном соборе он произнес проповедь, а затем провел двухчасовую беседу с духовенством города, в которой, как ему было свойственно, в витиевато-изощренной словоблудливой манере постарался убедить священство епархии в правоте обновленческой программы

[20] *См.*: *Краснов-Левитин А.Э., Шавров В.М.* Очерки по истории русской церковной смуты. С. 279–280.

[21] Простите, звезды Господни: Исповедники и соглядатаи в документах, или зачем русскому Церковь? / сост. В.А. Королев. Фрязино, 1999. С. 231.

[22] См.: *Краснов-Левитин А.Э., Шавров В.М.* Очерки по истории русской церковной смуты. С. 279

СОДАЦ. Кроме этого, А. Введенский выступил с тремя публичными лекциями-диспутами, собравшими немало народа. Его оппонентами были два местных профессора-безбожника Вольфсон и Никольский. На диспуте на тему «Есть ли Бог?» в защиту верующих слово произнес также протоиерей Стефан Кульчицкий (л. 75).

Во время пребывания в Минске А. Введенского за подписью более тысячи человек ему была передана петиция с просьбой оказать содействие в возвращении в Минск митрополита Мелхиседека. Пообещав дать ей ход, он в дальнейшем спрятал ее под сукно. Заявление аналогичного содержания верующие подали также председателю Совнаркома Червякову, собиравшемуся выехать на сессию союзного ЦИК. Но и этот функционер ничего предпринимать не стал.

Несмотря на прибытие в Минск епископа Сергия (Иванцова) и посещение города А. Введенским, обновленчество по-прежнему отторгалось верующим народом, не воспринималось им как истинный путь Церкви Христовой. С 23 мая 1922 г. Святейший Тихон томился в тюрьме, и это обстоятельство вызывало глубокое сострадание в сердцах православных жителей Минска, непримиримо настраивало их к тем, кто осуждал опального Патриарха. Сообразуясь со сложившейся ситуацией, Сергий (Иванцов) занял выжидательную позицию, стал лавировать между требованиями, которые предъявляло к нему ВЦС, и антиобновленческими настроениями народа.

В ОГПУ сложившуюся ситуацию комментировали так: «Положение обновленческого движения в Минской епархии, двинувшейся по пути организации... группы СОДАЦ, образовавшейся после развала групп Живой Церкви,.. не двинулось дальше организационных форм. Образовался губком группы, записалась туда большая часть минского духовенства, даже бывшие автономисты, как Кульчицкий, и на том успокоились. Не только в провинции, в самом Минске сейчас не ведется никакой обновленческой работы; наоборот, замечается со стороны Епархиального Совета и епископа Сергия, заявившего себя сразу ярым обновленцем, линия пассивного сопротивления церковному обновлению, что ярко выразилось на заседании ЕС 16 июля, где обсуждались два циркуляра ВЦС: первый о широком оповещении епархии о постановлениях, принятых на Поместном Соборе, и второй об оповещении... верующих о том, что представляет собой Патриарх Тихон... Епископ Сергий, сговорившись предварительно с другими членами ЕС... предложил принять оба циркуляра к сведению, мотивируя тем, что циркуляр о соборе устарел, а о Тихоне не стоит говорить, чтобы не взбудораживать верующих. Когда же уполномоченный ВЦС заявил, что такая линия поведения есть линия пассивного сопротивления делу обновления Церкви... епископ Сергий, под смех Кульчицкого, упрекнул Трегубова в том, что он, требуя выступления против Тихона от священства, сам никогда и нигде публично не выступал и предложил ему в следующее воскресенье выступать против Тихона в соборе... До сего времени против Тихона не было в Минской епархии сказано ни одной проповеди местным духовенством» (л. 80).

Неожиданно для всех 25 июня 1923 г. Святейший Патриарх Тихон вышел на свободу. В своем послании « Архипастырям, пастырям и пасомым Православной Церкви» он отказался признать имеющими законную силу постановления обновленческого собора и вновь принял на себя крестное, благодатное бремя управления Церковью.

Освобождение Святейшего открыло новую страницу в церковной жизни того времени. В разных местах бывшей Российской империи обновленцев стали подвергать остракизму, изгонять из храмов, открыто высказывать им в лицо свое неприятие и неуважение. Эти настроения, вылившиеся в мощную волну негодований, вскоре проявились и в Советской Белоруссии. Период завуалированной борьбы с обновленчеством подошел к своему завершению.

Для спасения Церкви на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны подобным образом поступил другой мудрый архиерей Русской Православной Церкви — митрополит Минский и всея Беларуси Пантелеимон (Рожновский). Церковь снова выстоит — уже перед гитлеровской Германией с ее коварными планами. Бесславно закончится этот «крестовый поход» под знаком свастики на Восток.

© Максимович И.Н., 2010.